

УДК 111

DOI: 10.17223/1998863X/45/21

А.Л. Никифоров

А РОДИЛСЯ ЛИ УЖЕ МАЛЬЧИК?

В статье высказана критическая оценка рассуждений О.Е. Столяровой о возможности построения исторической эпистемологии и исторической онтологии. Обосновывается мысль о том, что рассуждения на эту тему в новых терминах воспроизводят традиционные эпистемологические проблемы.

Ключевые слова: метафизика, онтология, познание, эпистемология, картина мира.

В своей интересной статье О.Е. Столярова представляет картину обсуждения вопроса о существовании исторической эпистемологии и исторической онтологии в современной западной философии¹. Поскольку язык этого обсуждения еще не вполне устоялся и может быть неправильно понят, я попробую сначала кратко сказать о том, что же я все-таки понял.

Что такое историческая эпистемология? Историк философии представил мне ряд философских концепций, говорящих о том, что такое человеческое познание, какими познавательными способностями мы обладаем, каковы основные методы познания, что такое истина. Этот ряд начинается, по крайней мере, с Платона и включает в себя концепции Аристотеля, средневековых схоластов, Декарта, Локка, Юма, Канта и т.д. Я могу сравнивать эти теоретико-познавательные концепции, выявлять различия между ними, ставить вопрос о том, какие социальные факторы вызвали изменение философских взглядов на природу и методы познания. Ольга Евгеньевна пишет, что историческая эпистемология «является философской рефлексией над историей эпистемологии и ее основаниями» (с. 195). Но, как представляется, это обычная теория познания, или гносеология, ничего специфически исторического здесь нет. Когда я пытаюсь создать новую эпистемологическую концепцию, я прежде всего начинаю с изучения концепций прошлого, я задумываюсь над тем, почему Аристотель не принял концепцию познания своего учителя Платона, от какого «догматического сна» Юм пробудил Канта и т.п. Если я в своих философских размышлениях не обращаюсь к мыслителям прошлого, то я просто дилетант, не заслуживающий серьезного внимания.

Я до некоторой степени понимаю, что такое «социальная» эпистемология: это теория (научного) познания, учитывающая влияние социальных коммуникативных [1. С. 39–49], эволюционных [2. С. 201–214] факторов на познание и пути его развития. Это новый этап в развитии традиционной философии науки. Но мне пока трудно понять, в чем состоит специфика исторической эпистемологии по сравнению с обычными теоретико-познавательными исследованиями.

¹ Здесь и в следующих статьях раздела анализируется статья О.Е. Столяровой «Историческая онтология как проблема» (см. с. 194–202 настоящего издания).

О.Е. Столярова полагает, что историческая эпистемология, создаваемая на базе анализа эпистемологических концепций прошлого, сама включается в их ряд в качестве определенной концепции, но в то же время она содержит в себе взгляд на эти концепции как бы со стороны, следовательно, стоит вне этого ряда. Поэтому О.Е. Столярова считает историческую эпистемологию законным порождением ряда эпистемологических концепций, законным отпрыском и наследником эпистемологии прошлого.

Не так, по ее мнению, обстоит дело с исторической онтологией.

Кстати сказать, вот еще одно слово, способное приводить к недоразумениям, – «онтология». По крайней мере, начиная с работ У. Куайна под онтологией понимают совокупность объектов, задаваемых теорией, т.е. языком. Утверждения пропозициональной логики истинны в онтологической модели, состоящей из ситуаций или положений дел. Утверждения логики первого порядка истинны в модели, состоящей из объектов, их свойств и отношений между ними. Утверждения классической механики истинны в модели, состоящей из материальных точек, масс, сил, ускорений. Под философской онтологией обычно имеют в виду философское учение о бытии – общее представление о мире, картину мира. Традиционно такое учение называлось метафизикой. В своей статье автор говорит именно о метафизике, а не об онтологических моделях, задаваемых теми или иными теориями.

И здесь приводится любопытное соображение. Опять-таки историческая онтология возникает в результате рассмотрения ряда сменяющих друг друга метафизических картин мира: мир идей и мир чувственно воспринимаемых вещей у Платона; мир, состоящий из четырех стихий, у каждой из которых свое естественное место, у Аристотеля; мыслящая и протяженная субстанции у Декарта и т.д. Современная метафизика включает в себя научную картину мира, дополняемую разнообразными спекулятивными соображениями. Так что же мы получаем в результате рассмотрения ряда сменяющих друг друга метафизических концепций? Новую метафизическую концепцию, включенную в ряд других аналогичных концепций? Нет, отвечает исследователь, этого мы не получим. Историческая онтология не является простой метафизической концепцией, т.е. она рождается не так, как это происходит с исторической эпистемологией.

Насколько можно понять, О.Е. Столярова считает историческую онтологию побочным продуктом исторической эпистемологии, ее, так сказать, незаконным отпрыском – «бастардом», как она изящно выражается. Когда мы рассматриваем ряд сменяющих друг друга теорий и осознаем, что, скажем, теория Т2 отличается от теории Т1 в каких-то отношениях, то осознание этого различия и принадлежит исторической онтологии. Оно лежит уже не в сфере познания, а в сфере бытия. Это звучит несколько туманно, но, может быть, я просто не понял разговоров об «археологии и генеалогии» М. Фуко, да еще в применении к Канту.

Чрезвычайно интересным является вопрос о взаимоотношениях метафизики и эпистемологии. Совершенно справедливо указывается на их связь и взаимозависимость: утверждать, что нечто существует, можно только в том случае, если у нас есть методы обоснования такого утверждения; познавать же можно только то, что уже как-то существует до процесса познания, как-то привлекает наше внимание.

Мне кажется, что здесь автор приходит к центральной проблеме теории познания: в какой мере образ мира, создаваемый нашим познанием, похож на сам реальный мир? Это вопрос об истине, о соответствии наших представлений о вещах и явлениях самим этим вещам и явлениям. Современные конструктивисты полагают, что картина мира, создаваемая с помощью средств и способов познания, целиком определяется этими средствами и никакого отношения к внешней реальности не имеет [3. С. 68–75]. Предмет познания формируется самим процессом познания. Реалисты же считают возможным говорить о том, что нашим представлениям о мире что-то соответствует в самой реальности. Между конструктивизмом и реализмом [4. С. 3–37] ныне имеется огромное количество разнообразных позиций, говорить о которых здесь было бы неуместно.

Кажется, О.Е. Столярова верит в существование внешнего мира. Интересно, как бы она смогла ответить на аргумент Х. Патнема, известный под названием «мозг в сосуде»? – Представим себе мозг, помещенный в сосуд с питательной жидкостью. К нему подключены датчики, выполняющие функции наших органов чувств. На эти датчики подаются сигналы, имитирующие внешние воздействия и вызывающие разнообразные ощущения. Опираясь на эти ощущения, мозг создает некоторую картину мира – картину, в которой есть предметы, свойства, ситуации, люди и т.д. Можно ли доказать, что мы живем и действуем в некотором реальном мире, а не являемся таким мозгом в сосуде? Или возьмем современные компьютерные игры. Вот я мчусь в танке по улице, стреляю и вижу взрыв, вижу, как рушится дом; в мой танк попал вражеский снаряд, и я чувствую потрясение от удара, ожог от языка пламени. Я живу в мире, созданном компьютером. Но, может быть, и тот мир, в котором мы живем и который считаем объективным, на самом деле является виртуальным миром, кем-то создаваемым для нас?

Как и автор статьи [5. С. 47–51], я верю в существование объективного мира. Наша повседневная деятельность с вещами и явлениями, чувственное восприятие и язык, наука создают некоторую картину мира, и я верю, что эта картина адекватно воспроизводит какие-то стороны реальности. Когда фотоаппарат, доставленный на поверхность Марса, шлет нам фотографии и мы видим на них пески и холмы, то если мы сами когда-нибудь высадимся на Марс, то увидим примерно ту же картину. Правда, тот образ мира, который мы создаем, является миром человека, существа с иной биологической организацией, летучие мыши, например, создают иную картину и живут в ином мире. Реальный мир можно сравнить с рядом действительных чисел. Скажем, человек в этом ряду выделяет и познает, например, только четные числа; летучая мышь выделяет и ориентируется в мире нечетных чисел; другое существо может воспринимать и исследовать только простые числа и т.п. Но все эти последовательности принадлежат миру действительных чисел. Конечно, реальный мир намного богаче и многообразнее того, который создает и исследует человек. Тем не менее мир человека – это часть, срез, аспект подлинной реальности. И вера в это является рациональной, ибо она вдохновляет нас на познание и действие в том срезе реальности, который важен для нашего существования.

Конечно, онтология или картина мира, которую мы создаем, зависит от нашей биологической организации, от наших познавательных средств и ме-

тодов, от нашего языка. Однако успешное развитие нашего биологического вида внушает надежду на то, что мы схватываем какие-то черты объективной реальности, а не фантазируем.

Проблемы, поставленные в статье О.Е. Столяровой, являются центральными для теории познания. Они по-разному обсуждаются в различных школах современной эпистемологии. Языки этих обсуждений порой не вполне понятны. Но насколько я понял изложенное, историческая онтология еще не родилась и вряд ли можно надеяться на ее рождение.

Литература

1. Kasavin I.T. Epistemology of Communication: strength and weakness of epistemological optimism // *Voprosy Filosofii*. 2014. Iss. 7. P. 39–49.
2. Antonovski A.Yu. Evolutionary approach to the development of science // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017. Vol. 52, Iss. 2. P. 201–214.
3. Antonovski A.Yu. Social philosophy of science as the guardian of the “incarnation of truth in the world” // *Epistemology & Philosophy of science*. 2017. Vol. 51, № 1. P. 68–75.
4. Lektosky A. et al. Constructivism in epistemology and sciences about the person (a round-table discussion) // *Voprosy Filosofii*. 2008. Iss. 3. P. 3–37.
5. Stoliarova O.E. Should we conceive science outside the history // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017. Vol. 51, iss. 1. P. 47–51.

Aleksandr L. Nikiforov, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: nikiforov_first@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 203–206.

DOI: 10.17223/1998863X/45/21

HAS THE BOY BEEN BORN YET?

Keywords: ontology; metaphysics; truth; epistemology; cognition.

The article attempts a critical analysis of Olga Stoliarova’s discussion of historical epistemology and historical ontology. It is shown that the so-called historical epistemology is a traditional theory of knowledge that takes into account the results of epistemological conceptions proposed by the thinkers of the past. As far as historical ontology is concerned, the meaning of this term remains unclear. It is argued that the main value of Stoliarova’s paper is that it clearly states that well-known philosophical problems are currently discussed in the European and Anglo-American philosophy. In most cases, foreign writers mean to give something new to philosophy when they introduce new terms. However, it is often easy to recognize old and well-known problems of philosophy behind all these new words.

References

1. Kasavin, I.T. (2014) Epistemology of Communication: strength and weakness of epistemological optimism. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 39–49.
2. Antonovski, A.Yu. (2017) Evolutionary approach to the development of science. On the Russian translation of N. Luhmann’s “Evolution of Science”. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 52(2). pp. 201–214. DOI: 10.5840/eps201752239
3. Antonovski, A.Yu. (2017) Social philosophy of science as the guardian of the “incarnation of truth in the world”. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). pp. 68–75. DOI: 10.5840/eps201751110
4. Lektosky, A. et al. (2008) Constructivism in epistemology and sciences about the person (a round-table discussion). *Voprosy filosofii*. 3. pp. 3–37.
5. Stoliarova, O.E. (2017) Should we conceive science outside the history. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). pp. 47–51. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201751117